

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

Человек в сетевом обществе*

Б. В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Марков Б. В.* Человек в сетевом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 2. С. 194–207.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.201>

Сегодня речь идет не о критике традиционного образа человека, а о конце веры в человеческую исключительность. Движение в защиту прав человека осознается как форма логоцентризма и смещается в сторону защиты прав женщин, детей, инвалидов, заключенных, мигрантов и прочих меньшинств. Раздаются голоса в защиту прав животных и нечеловеческих существ с искусственным интеллектом (пара роботов уже получили права гражданства); ученые дискутируют о возможности сконструировать человека заново на основе генных технологий. Глубокая трансформация представлений о человеке происходит и в моделях новой сетевой глобализации, которая приходит на смену либеральным и консервативным проектам единства человечества. Развитие РР-технологий нанесло удар по идеалам индивидуальной свободы, демократии в гражданском обществе, превратило человека в управляемое существо. Порядок глобального сетевого общества определяется уже не человеческими критериями добра и зла, а информационными и финансовыми потоками. Цифровая революция в сфере труда и развлечений, образования и культуры, экономики и политики привела к созданию множества цифровых двойников, между тем сам человек, лишенный защиты государства и общества, оказался в ситуации анонии и тотального одиночества. Таким образом, трансгуманизм — это уже не мысленный эксперимент маргинальной философии, а постчеловеческая стадия цивилизационного развития. Дискуссии о будущем сетевом обществе, в искусственном интеллекте и конструировании человека на основе генных технологий не следует воспринимать как интеллектуальное развлечение, которому свободные умы предаются в последние годы. Пренебрегать ими не стоит, потому что

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

чем больше сценариев возможного развития будет создано и просчитано, тем лучше человечество отреагирует на очередной кризис.

Ключевые слова: человек, культура, цивилизация, сетевое общество, индивидуализм, коллективизм.

Задачи исследования

Точно знать будущее невозможно не только из-за несовершенства познания или своеволия людей, нарушающих все мыслимые законы, но и потому, что физическая, биологическая и социальная среды тоже контингентны. Они не соответствуют ни слепому фатализму, ни механическому детерминизму, ни загадочному «вечному возвращению». Задача философии состоит в том, чтобы понять, как пишутся сами сценарии будущего. Обычно они создаются на основе двоичного кода бинарного мышления. Одни предполагают, что сетевое общество будет либеральным и демократическим, вместо вертикальных властных отношений сложатся горизонтальные экономические взаимосвязи, другие, наоборот, утверждают, что человек утратит свободу и окончательно растворится в Сети, которая превратится в «матрицу», управляющую людьми и машинами. Человек станет «цифрой» не только для статистики, но и в реальности. Поскольку «жить» будет означать «существовать в Сети», общество превратится в «общество надзора», а человек — в «признающееся существо».

К страшилкам о сетевом обществе примыкают уведомления о конце веры в человеческую исключительность, которые пришли на смену нарративу «смерти человека» [1]. Говорят о недостатках человека, достоинствах животных, совершенстве роботов, киборгов и иных нечеловеческих созданий [2]. Современные антропологи ищут основания будущего общества «по ту сторону человека», свидетельством чему являются дискуссии о постгуманизме и трансгуманизме. Одни вслед за Ницше объявляют мораль формой скрытого ressentimentа, рассчитывают заново сконструировать человека. Генные технологии создадут совершенные тела, загадка человеческого сознания будет разгадана в ходе изучения мозга нейронауками. Другие, наоборот, указывают на опасность использования новых технологий, видят в них реанимацию логоцентризма, евгеники и расизма. Сегодня на слуху сетевая парадигма описания современного общества [3, с. 492]. Замкнутые национальные государства охвачены щупальцами транснациональных корпораций, они в долгах у Всемирного банка, цена их денег определяется валютным рынком, на их территориях строятся иностранные предприятия, а их собственные граждане работают за рубежом. Как альтернатива имперскому проекту выдвигается сетевая модель, где понятие человека как индивида какого-либо коллектива заменяется концептом человечества [4, с. 136].

Позициональность человека: природа и культура

Решение вопроса «Что такое человек?» представляет собой важнейшую культурную задачу. Согласно эволюционной теории, постепенно, шаг за шагом, благодаря естественному отбору возник наиболее приспособленный вид живых существ под названием *Homo sapiens*. Биологи, замороженные такими признаками, как большая масса мозга, прямохождение, интеллект, язык, способность к труду

и общению, не обращали внимания на явные недостатки, такие как слишком раннее рождение, неприспособленность к естественной окружающей среде, затянутый период детства и др. С точки зрения адаптации многие свойства человека выглядят излишними и даже ненужными. Все это заставляло искать ответ на загадку формирования человека не только в природе, но и в культуре. Именно она образует искусственную среду обитания, своеобразную не только материальную (жилище, орудия труда), но и духовную или символическую защитную оболочку (миф, религия, история), оберегающую человека от опасных воздействий внешней среды, будь то холод или голод, от чужих мифов и верований.

Начиная с Нового времени снижается страх перед природой, угрожающей неурожаями, эпидемиями и катастрофами. Человек живет в искусственной окружающей среде, которая обустроена для безопасной комфортабельной жизни. Вопросы о непознаваемости Бога и природы, о том, как она существует сама по себе, теряют свою остроту. Научные теории соответствуют порядку искусственных механизмов, созданных самим человеком. Что касается «вещей в себе», то их непознаваемость волнует философов всё меньше и меньше. Призыв «назад к природе» — это реакция на процесс цивилизации, он становится популярным среди горожан, выезжающих на пикник после трудовой недели.

Главным врагом просветители провозгласили авторитарное государство, диктующее, что делать, и муштрующее, как делать. Идеалом становится буржуазное (гражданское) общество, в котором у человека появляется возможность выбора различных профессий и образа жизни, наконец, больше свободного времени. В эпоху модерна идет борьба не только за политическую и экономическую свободу, но и за признание желания. На первый план выходит проблема индивидуального существования, экзистенции. Исполнение социальных ролей считается чем-то неподлинным. Теория отчуждения надолго определила размышления интеллектуалов XX в. о социализме (в России) и капитализме (на Западе).

В социалистическом обществе в качестве технологии гуманизации использовалась коммунистическая идеология. В западной культуре, наоборот, популярной была критика идеологии, следы которой представители Франкфуртской школы находили даже в науке и популярной культуре. Сегодня «сердитую молодежь» 60-х сменили антиглобалисты. Интеллектуалы пытаются найти третий путь выхода из политической дилеммы: одни говорят, что глобализация неизбежна, это новая реальность, к которой надо приспособляться; другие считают, что сложившаяся глобальная экономика не является закономерной и необходимой, что ее можно изменить, она должна стать социально ориентированной. Защитники либерализма полагают, что если рыночные механизмы будут контролируемы общественной моралью или управляемы государством, то это приведет к застою. В ответ сторонники регулируемой экономики указывают на эксцессы свободного рынка. Отдельные предприятия в ходе глобализации поглощаются транснациональными корпорациями. Протесты мелких производителей сельхозпродукции вызваны тем, что агрохолдинги разрушают традиционную культуру земледелия, виноделия и др. Несколько десятков корпораций захватили рынки высокотехнологичной продукции, они решают сегодня судьбу мира.

Можно ли остановить логику развития, диктуемую капитализмом, и вернуть государству человеческое лицо? Наверное, это утопия. Вернуть ничего нельзя, тем

более у социализма лицо тоже было не слишком приятное, а именно — командно-административное. Наивно ждать, что история сама собой постепенно вернется на круги своя и снова будет двигаться к социализму и коммунизму. В своей критике либеральной экономики марксисты преувеличивают закономерность перехода от капитализма к социализму и тем самым повторяют ошибку своих противников, которые столь же легкомысленно верили в невидимую руку свободного рынка. То же самое происходит с оценкой цифровых технологий. С одной стороны, в образовании и политике они способствуют демократизации жизни, а с другой стороны, в экономике используются с целью повышения продаж и навязывают человеку ложные ценности. Вопрос о том, может ли пряник благоденствия удовлетворить человека, остается открытым. Несомненно, люди должны протестовать против оглушающего воздействия новых технологий, а философы — диверсифицировать установки глобального рыночного общества. Даже если этот исторический этап развития неизбежен, он не обязательно непреодолим. Вопрос в том, как в нем жить.

Человек и медиа

Сегодня для множества городских индивидуалистов единственным другом оказывается голубой экран телевизора или компьютера. Учитывая появление смартфонов и планшетов, можно сказать, что приходящие на дисплей меседжи начинают интересовать людей больше, чем реальные события. Сам зритель остается пассивным приемником сообщений. Не отвергая подозрений представителей Франкфуртской школы, которые считали, что современные медиатехнологии оглушают и подчиняют человека сильнее, чем идеологии, можно утверждать, что люди пока еще обладают достаточно сильной иммунной защитой. Они не смотрят ТВ, не отрывая глаз, они не воспринимают рекламу, клипы, сериалы как гиперреальность. Они по-прежнему рефлексируют и не очень доверяют пропаганде, будь то политика или реклама. Но нельзя отрицать, что все это как-то воздействует на сознание, задает общезначимые коды и нормы, т.е. социализирует городских индивидуалистов, запершихся в четырех стенах своих апартаментов. Голубой экран и мощные динамики фактически заменяют вечернюю мессу, соединяющую христиан в моральную общность. То, что раньше называли верой или идеологией, воздействующими на сознание, теперь именуется «фреймами» мозга, которые формируются «паттернами» массмедиа. Таким образом, в отличие от речей, посланий и книг, современные медиакоммуникации функционируют не как носители значений, а как сигналы, запускающие те или иные эмоциональные реакции — желания, настроения, переживания. Визуальные и музыкальные образы, в отличие от письменных знаков, не отсылают зрителя или слушателя к идеальным смыслам (такую рефлексию обычно осуществляют только искусствоведы и критики), а воспринимаются как искусственная реальность, более яркая и убедительная, чем обычная жизнь. Выход состоит в воссоздании коллективных пространств общения, которые можно назвать дружескими. Это могут быть разного рода «живые» сообщества горожан, нацеленные не только на развлечения, но и на обустройство безопасной и удобной окружающей среды.

Революционным событием в развитии коммуникативных технологий после книгопечатания было изобретение и распространение радио и телевидения. В США и Японии телевизор смотрят по восемь часов в сутки. Конечно, люди при

этом занимаются другими делами, но телепередачи в фоновом режиме стали частью интерьера, искусственной средой обитания человека. Телевидение не уничтожило книги, газеты и радио, хотя время на их чтение и прослушивание сократилось примерно до часа или получаса в сутки. Согласно мнению представителей критической теории общества, в плане эмансипации телевидение не способствовало разотчуждению. Наоборот, «промывание мозгов» стало более эффективным, чем при использовании газет и радио. Прежде главной была идеология, теперь — пропаганда. Телевидение — однонаправленная коммуникация, и в этом ее недостаток.

Как эмансипация от власти «большого брата» задумывалось кабельное и спутниковое телевидение. Если государственное телевидение формировало общественное мнение, контролировало допуск на экраны тех или иных лиц и программ в целом, то коммерческое телевидение умножило число каналов и тем самым предоставило широкие возможности индивидуального выбора. Однако коммерциализация телеканалов, нацеленность на получение прибыли привели к тому, что все они ориентированы на развлекательные программы и оказываются похожими.

Вместе с тем нельзя отрицать обратное воздействие аудитории, под вкусы которой вынуждены приспосабливаться шоумены и политики. Хотя реклама на телевидении занимает много времени, судя по результатам исследований, люди ориентируются на нее при покупках не более чем на 10–12%. Тогда возникает вопрос: зачем тратить огромные средства на ее распространение? Ответ простой: платят всегда налогоплательщики. Кроме того, эффект рекламы следует подсчитывать не только по результатам повышения продаж. Реклама задает новые коды и нормы поведения, она навязывает образ жизни.

Следующий шаг в развитии коммуникации связан с персональными компьютерами, так сказать, пионерами сетевого общества, медиумами, связывающими людей в локальные объединения, свободные от контроля со стороны государства. В основе современных утопий нового общества лежит информационализм — осуществление производства благ, власти и культурных кодов на основе информационных технологий. Формой организации человеческой деятельности становятся не фабрики, казармы и школы, а электронные сети. Главной работой является обработка информации.

Не вполне ясно, способствует ли Интернет поиску идентичности. С одной стороны, люди объединяются по интересам, а с другой — могут выдавать себя за тех, кем не являются [5, с. 17]. Главная проблема виртуальных социальных сетей в том, что они складываются на основе желаний и не принимают во внимание возможностей, которые способна предоставить реальная экономика. Слотердайт назвал общество, состоящее из микросообществ, пеной. Казалось, что это приводит к децентрации медиасферы, однако она охватывается и контролируется крупными социальными сетями, которые могут исключать те или иные микросообщества. Поскольку сегодня быть означает существовать в виртуальном пространстве, это напоминает изгнание из племени, обеспечивающего защиту в традиционном обществе. Таким образом, утверждение о том, что сетевое общество приходит на смену иерархическому, основанному на доминировании коллектива, является поспешным и утопическим. Конечно, зрители тоже формируют то, что им показывают, в соответствии со своими кодами. Они воспринимают подаваемую информацию по-другому, чем это задумывал отправитель. Поскольку отправителями являются не официальные институты, а свободные объединения, то и конфликты возникают

не между государствами, а между сетями, взаимодействие и единство которых достигается иными средствами, чем это делалось в эпоху империй.

Коммерциализация компьютерной коммуникации — другой источник проблем. В теориях сетевого общества акцентируется перформативный характер месседжей. Собственно, слово «виртуальный» подразумевает не только возможность, но утвердительность того, о чем сообщается. Отправитель посылает не идеологические или интеллектуальные сообщения, а видеозаписи сконструированных событий. При этом изображения оказываются настолько яркими и впечатляющими, что превосходят по силе воздействия саму реальность. Они становятся «гиперреальными» и не предполагают рефлексии, т. е. сравнения того, о чем сообщается, с тем, что сообщается.

Идеологи Просвещения мечтали преодолеть разного рода национальные, религиозные, местные различия на основе разума, который одинаков у всех людей. Государственный порядок обеспечивался знанием. Если присмотреться к сообщениям, которые в Глобальной сети распространяются более чем по тысяче каналов спутникового телевидения и по различным социальным сетям, нетрудно заметить, что они строятся по другим сценариям. Речь идет не об истине, а о прибыли. Коммерциализация приводит к тому, что даже дискуссии ученых организуются и воспринимаются как бои гладиаторов на арене Колизея. Там и тут главное — победить, чтобы не сойти со сцены. Исключенными оказываются те, кто не присутствует в Сети.

По ту сторону человека: биокапитализм

В качестве альтернативы теории сетевого общества новую стадию капитализма иногда называют биокапитализмом. На самом деле обе эти модели реализуются в форме своеобразной «синергии». Термин неоплатоников сегодня используется для описания специфики соединения ранее автономных экономических, информационных и биологических процессов. Речь идет об эксплуатации знания, свободного времени, здоровья, жизни, межличностных отношений, образования, среды обитания, т. е. всего того, из чего возможно извлечь прибыль. В результате, как отметила В. П. Веряскина, «жизнь превращается в труд, продукт которого сбывается на рынке» [6, с. 18]. Ссылаясь на А. Корсани, который писал, что «отношение капитал — труд превращается в отношение капитал — жизнь» [7, с. 124], она указала, что автоматизация, роботизация и цифровизация сокращают рынок труда. Если классических безработных еще можно было расценивать как некоторый запас рабочей силы для экономического роста, то сегодня они превратились в «лишних людей». «Статус временного работника включает в себе главную характеристику прекариата» [8, с. 26]. Неолиберальная экономика, радикально изменившая рынок труда, превращает постоянного высококвалифицированного работника в *homo precariatus*, лишенного защиты и гарантий. Выход видится в том, чтобы перераспределить финансовый капитал для переобучения временно уволенных работников. Отсюда разговоры о том, что сетевое общество будет более экономным, чем классическое, следует оценивать с учетом того, что на деле возникают серьезные риски, вызванные безработицей, а для их нейтрализации посредством непрерывного образования потребуются значительные средства. Кроме того, нельзя не учитывать, что традиционные хозяйственные объединения производили не только товары, но и то, что сегодня называют «человеческий капитал». Работа и образование в онлайн-

режиме приводят к тому, что потребуются специальные усилия и, соответственно, затраты на воспитание человеческих качеств.

Поскольку конкуренция между индивидами в сетевом обществе не только не исчезает, а даже усиливается, постольку консервативно настроенные философы предлагают вернуться к иерархическому обществу, где конфликты решались с применением насилия [9]. Наоборот, З. Бауман [10, с. 118] и П. Слотердаjk [11, с. 128] выдвигают проект, согласно которому то, что называют обществом, основано на детско-материнском симбиозе, по модели которого люди создают новые искусственные пространства обитания — от жилища до таких социальных коллекторов, какими являются стадионы.

Своеобразной формой протеста против биокапитализма можно считать экологическое движение, и в частности такую его форму, как борьба за права животных и сохранение лесов. Согласно мнению Э. Гидденса, «“конец природы” означает, что лишь немногие аспекты окружающей нас материальной среды еще не подверглись в той или иной форме вмешательству человека» [12, с. 43]. Речь идет не о сохранении стремительно сокращающегося разнообразия видов живого. Наши меньшие братья и даже леса и камни не являются механическими автоматами или агрегатами [13]. Может быть, они «говорят» сами с собой на непонятном для нас языке. Во всяком случае, некоторые животные обмениваются знаками, точнее, подают сигналы друг другу [14, с. 45]. Но есть ли у них что-то подобное переживаниям, страдают ли они, чувствуют ли боль, когда их превращают в пищу или промышленное сырье? Знают ли они о нас, пытаются ли нам отомстить или помочь?

Наши предки положительно отвечали на эти вопросы. Сегодня пандемия вновь заставляет вспомнить о вражде и дружбе людей не только с небесным царством, но и с природным миром. В этой связи актуальной оказывается амазонская, в частности каннибальская, антропология Вивейруша де Кастру [15]. Европейцы считали, что физические тела у любых существ примерно одинаковые, поскольку они материальны. Уникальна только человеческая душа. Индейцы, наоборот, верили, что у любых существ есть души, будь то камни, деревья, животные или люди, а тела у всех объектов разные. Поэтому испанцы пытались проверить, есть ли у индейцев душа, а индейцы, считая белых богами, бросали их в воду, чтобы проверить, не гниют ли они.

Особый случай — каннибализм. Животные не пожирают себе подобных. Только человек настолько выпал из-под действия эволюционного отбора, что нарушает этот природный закон [16]. Де Кастру объясняет каннибализм различием восприятия чужого тела в разных культурах. Если для европейского человека главное — это сходство душ, то у индейцев все наоборот. Отсюда вытекает принципиальное отличие базовых оппозиций. У нас личностями и субъектами являются только люди, у индейцев, наоборот, — животные, растения и камни. Тогда получается, что объектами уничтожения становятся люди. Это не приводит к войне всех против всех только потому, что индейцы различают своих и чужих — друзей, которых одаривают, и врагов, которых берут в плен, убивают или съедают с целью присвоить мужество противника.

Де Кастру провозглашает мультинатурализм вместо мультикультурализма. На самом деле его критика европейской антропологии похожа на саидовскую оценку деятельности институтов востоковедения как культурной колонизации Востока.

Следствием постмодернистского мультикультурализма можно считать сегодняшнюю кампанию по разрушению памятников героям колониальной эпохи. Осмысляя попытку бразильских антропологов найти место под солнцем, приходишь к выводу, что она, хотя и провозглашает индейский «перспективизм» относительно восприятия тел, тем не менее остается наследницей европейской (имперской колониальной) антропологии. Можно, во-первых, указать, что на деле де Кастру превращает индейцев и всех неевропейцев в народы-жертвы. Это своеобразный виктимизм. Во-вторых, амазонский мультикультурализм не сулит хороших перспектив малым народам и обрекает их на жизнь в резервациях.

Коллективизм и индивидуализм

Кроме дилеммы природного и культурного есть и другие противоречия, в частности индивидуального и социального. Большинство исследователей опираются на допущение первичности индивидуального «Я» и описывают причины, под воздействием которых происходит объединение людей. При этом опять возникают противоположные объяснения. По Аристотелю, люди по природе являются коллективными животными, а по Гоббсу, они заключают общественный договор после того, как осознают опасность независимости. Для одного подхода затруднения возникают в процессе поисков рождения «Я», для другого остается загадкой появление социального «Мы», т. е. государственной организации общества.

Понятия «Я» и «Мы» мыслятся как обозначение автономных объектов наподобие тех, которые изучаются в естествознании. Но в космической, геологической, физической и биологической природе изменения происходят с гораздо меньшей скоростью, чем в истории. Сегодня мы оперируем значением понятий «Я» и «Мы», которое сложилось в прошлом на основе уже изменившихся общественных отношений. Поэтому «Я» и «Мы» нельзя рассматривать как обозначения отдельных сущностей. Необходимо учитывать, что соотношение индивидуального и социального складывалось в разные эпохи по-разному. Современные исследователи опираются на проект Просвещения, в котором человек мыслился как свободный автономный индивид, наделенный разумом, способный к рефлексии, т. е. к наблюдению за самим собой и обществом, в котором он существует. Но сегодняшнее общество уже не соответствует отношениям людей, сложившимся в эпоху Просвещения. Мы живем в постиндустриальном обществе, одни называют его информационным, другие — сетевым, одни его приветствуют, а другие отвергают.

Получение прибыли — закон капитализма, но способы ее получения изменились. Прежде всего вместо крупных картелей главными субъектами экономики становятся более гибкие и креативные индивидуальные предприниматели. Возросла роль менеджеров. Наконец, образовались глобальные финансовые рынки, где практически мгновенно и планетарно определяется наибольшая прибыльность инвестиций. Собственно, эти рынки есть не что иное, как коллективные капиталисты. Ситуация на глобальных рынках определяется уже не производством, а манипуляциями игроков, психологией толпы и множеством других факторов. Производителями становятся получатели и обработчики информации. Главными особенностям цифрового финансового капитализма являются: фрагментация рабочей силы на информационную и производительную; резкая поляризация богатых и бедных;

снижение социальной поддержки нетрудоспособного населения. К этому можно добавить кризис демократии: политика становится театром, а политические институты — агентствами по заключению сделок.

Классический капитализм и этатизм трансформировались в начале 70-х годов XX в. Современность характеризуется глобализацией и организационной гибкостью. Однако при этом остаются регионы, не представляющие интереса для игроков глобального рынка, а также люди, не сумевшие приспособиться к новому характеру труда. В цифровой экономике меняется характер труда. Не только рабочих, но и клерков заменяют «умные» машины. Классовая борьба и революция перестают быть моторами истории. «Информациональный» капитализм Кастанельс характеризует как инновационное конкурентоспособное производство знаний и выборочное присвоение благ, интегрированное в культуру [17, с. 34]. Переход от индустриального общества к постиндустриальному снимает проблему дефицита ресурсов, которая будет решаться путем рационализации потребления и регулирования роста населения.

Вместе с тем цифровое общество не является хорошей перспективой. Медиа-технологии формируют тип аполитичного, но управляемого человека. Однако последние события свидетельствуют о росте протестных движений. Их участники не были инициированы силами, о которых писал Маркс. Протесты происходят не по причине роста нищеты. Права человека, феминизм, борьба против гонки вооружений, защита окружающей среды — вот за что борются активисты. Либертарианский дух этих движений влияет на движение экономики в сторону использования индивидуализированных, децентрализованных технологий.

В постсоветской России демонтаж партийно-государственной машины и отсутствие гражданского общества привели к криминальному капитализму. Перестройка задумывалась как демократизация. Первое слово сказала интеллигенция, которую поддержали шахтеры. На волне народной эйфории, которую она возбудила, выдвинулись новые пророки. Потом на арену истории вышли другие люди. Началась приватизация, которую метко называли «прихватизацией». Социализм сменился капитализмом. Если расценивать прошедшее тридцатилетие через призму теории формаций, получается, что в новом тысячелетии история России потекла вспять. Тем не менее для нас «номос земли» все еще сохраняет свое значение. В связи с этим выбор цивилизационного пути предполагает освоение новых ценностей при одновременном сохранении старых. Чисто логически это кажется противоречивым, однако практически подсоединение возможно не напрямую, а опосредованно. Это значит — не принимать теоретические модели за реальность, как это бывает в научных дискуссиях, а исследовать способы их реализации в исторически сложившемся социальном пространстве современной России.

Формы протеста в современном обществе

Среди тех, кого называют антиглобалистами, есть умеренные акционисты, которые представляют альтернативу экономической, рыночной глобализации. Они не обращаются к правительству, а через сетевые движения образуют контрвласть в форме социального контроля. Они не считают глобализацию, осуществляемую странами «Большой восьмерки», Всемирной торговой организацией, Всемирным банком и другими международными институтами, некой исторической необходи-

мостью. Это напоминает призыв Маркса не приспосабливаться к якобы единственно возможному миру, а создать новый лучший мир. В противовес Всемирному экономическому форуму в 2001 г. был создан Всемирный социальный форум, включающий множество региональных организаций, которые благодаря Интернету сумели скоординироваться. Энвайронменталисты, феминистки, активисты малых народов, защитники прав животных, фермеры, виноделы, авангардисты — все они были единомышленны в критике корпоративной глобализации.

Старые проекты вроде теории коммуникативного действия и делиберативной политики оказались малоэффективными в эпоху массмедиа. Самоуправляемое общество, основанное на сохранении человеческих ценностей, они реализуют в Интернете, который дает возможность объединять различные сети для осуществления акций протеста. Примером является Indymedia — сеть, состоящая из множества медиacentров, создающих и распространяющих информацию о протестах в форме как видеорепортажей, так и аналитических обзоров [17, с. 378]. Поскольку мейнстримные медиа представили их так, чтобы вызвать негативную оценку, постольку протестующие создали альтернативные медиа. К ним присоединились хакеры, которые взламывали корпоративные сайты и разоблачали господствующую элиту. Изобретались новые формы сопротивления вроде виртуальной сидячей забастовки, к которой киберактивисты призывали присоединяться простыми кликами и таким образом играли роль медиумов, распространяющих информацию по глобальной коммуникационной сети. Эта самоуправляемая структура становится эффективной моделью социальной организации. Кастельс отметил сходство киберактивистов с русскими анархистами, идеи которых неожиданно оказались актуальными в молодежной среде [17, с. 381]. Реализация коммунистического идеала в форме государственного командно-административного централизма не удалась по причине того, что принцип демократического централизма уже не соответствовал духу времени. Его следует трансформировать с учетом компьютерных технологий, которые дают больше возможностей для реализации общественного контроля.

Идеал сетевого общества — последний проект теоретиков постмодерна, границы которого обнаруживаются на наших глазах. Еще не успели продумать сетевую модель, а уже заговорили об ультрамодерне и даже о новом империализме. И для этого есть все основания. Государства не только не исчезли, но и переплелись в такие узлы мировой ризомы, которая по своей величине превосходит старые империи. В экономике происходит монополизация рынков, исключающая доступ мелких компаний к капиталу. Другим вызовом глобализации являются неконтролируемая миграция и коронавирусная инфекция. Они создали чрезвычайную ситуацию, для выхода из которой не существует сетевого алгоритма и решение приходится искать в ручном режиме, т. е. выбирать правительство, способное доминировать и брать ответственность на себя. Модель самоуправляемого, саморегулируемого хаоса сегодня нуждается в дополнении традиционными нелиберальными теориями общества.

Заключение

Современное российское общество не застойно, а динамично. Оно является не традиционным и не постмодерным, а переходным, поэтому напряжение остается внутренним и пока не прорывается вовне. Среди предлагаемых рецептов развития

можно выделить: во-первых, опору на историческую память и культивирование таких человеческих качеств, которые помогали россиянам выстоять в трудные времена; во-вторых, отказ от «ужасного прошлого», смелый прорыв в будущее сетевое общество, где человеческие качества, социальный капитал будут формироваться свободно и независимо от доминирования государственных институтов. Сравнительный анализ этих моделей будущего России показывает, что развитие сетевого общества приводит не к диверсификации, а к модернизации государственных структур [18]. Примерами служат дискуссии о контроле не только за социальными сетями, но и за движением автомобилей и товаров в целом. Некоторые участники теледискуссий видели в этом нарушение прав человека. Действительно, когда в автомобилях появились навигаторы, антирадары и видеорегистраторы, водители чувствовали себя свободными, а когда поставили видеокамеры и спутниковую систему наблюдения ГЛОНАСС, люди поняли, что теперь следят за ними. Практически это противоречие необходимо решать как неизбежный конфликт свободы и ответственности и находить компромисс. Таким образом, речь должна идти о подсоединении разных моделей друг к другу. Уничтожение национального государства, как предлагают сетевые активисты, приведет к пока еще не просчитанным, но явно негативным последствиям. Это не означает неприкосновенность Левиафана. Наоборот, на изменение социальной реальности должны оперативно отреагировать политика, право, экономика, культура и образование. Их модернизация предполагает воспроизводство позитивных ценностей прошлого, благодаря которым цифровое общество сохранит человеческий облик.

Время истории опережает время жизни. Утопия сетевого общества как постнационального, постгосударственного и даже постчеловеческого объединения вызывает реактивное чувство протеста против глобализации, стирающей природную и культурную идентичность [19]. Новый этап глобализации мира, наступивший после распада империй и сверхдержав, диверсифицирует национальные государства и одновременно образует новые союзы. Поэтому на распад СССР можно посмотреть с разных сторон. Доставшееся нам от Союза наследство состояло не только из гигантских промышленных предприятий, но и из советского народа, сохранившего «Я»-идентичность в единстве с «Мы»-идентичностью. Сегодня, несмотря на экономические выгоды Содружества Независимых Государств, притом что в Союзе малым народам жилось лучше, чем сейчас, местные компрадорские элиты отказываются даже от формального принципа лояльности. Нечто похожее происходит и в Европейском союзе. Будучи экономически и политически более прогрессивным обществом, он остается расколотым. Национальное чувство не только не растворяется, а, наоборот, усиливается, особенно под воздействием миграционных процессов.

Судя по тому, что за 70 лет СССР не удалось полностью переплавить нации в советский народ, и в новой России, и в Европейском союзе еще долго придется искать пути интеграции национального чувства «Мы» и космополитического образа европейца. А когда наступит эра человечества, даже загадывать трудно. Если говорить о ближайшем будущем России, то ни теоретикам, ни политикам не следует предаваться ностальгии. Это не значит, что мы должны отказаться от своего предназначения. Надо понимать, что прежний способ объединения людей, проживающих на ее территории, уже невозможен. Но это и не значит, что нельзя построить

новый порядок. Тут тоже могут быть два пути: сокращать разрыв между богатыми и бедными, вернувшись к социальному государству; отказаться от сырьевого монополизма, развивать социально ориентированную сетевую экономику и таким образом поднимать уровень жизни населения.

Подводя итоги, можно сказать: если мы действительно подошли к стадии объединения, которое называют сетевым обществом, то мы должны научиться жить с растущими конфликтами индивидуального «Я» и национального «Мы». Такие конфликты были всегда, но люди при этом жили вместе. Следует помнить историю, сохранять верность тому, что еще живет в нас, учитывать ошибки прошлого и двигаться вперед, объясняя причины дискомфорта, призывая совместно их преодолевать.

Литература

1. Шеффер, Ж.-М. (2010), *Конец человеческой исключительности*, М.: Новое литературное обозрение.
2. Кожевникова, М. (2017), *Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии*, М.: ИФРАН.
3. Кастельс, М. (2004), *Галактика Интернет*, Екатеринбург: У-Фактория.
4. Михайлов, И. Ф. (2015), *Человек, сознание, сети*, М.: ИФРАН.
5. Конев, В. А. (2020), Человек пьедестала и человек подиума, *Международный журнал исследований культуры*, № 2, с. 6–17.
6. Веряскина, В. П. (2021), Человеческий потенциал в глобальном мире: концепция Программы развития ООН (ПР ООН), в *Человек в глобальном мире: риски и перспективы*, отв. ред. Белкина, Г. Л., М.: КАНОН+.
7. Корсани, А. (2007), Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм: информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме, *Логос*, № 4 (61), с. 123–144.
8. Стэндинг, Г. (2020), *Прекариат: новый опасный класс*, М.: АД Маргинем Пресс.
9. Жирар, Р. (2010), *Насилие и священное*, пер. с фр. Дашевский, Г., М.: НЛО.
10. Бауман, З. (2019), *Ретротопия*, М.: ВЦИОМ.
11. Слотердаjk, П. и Хайнрихс, Г.-Ю. (2015), *Солнце и смерть: Диалогические исследования*, СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
12. Гидденс, Э. (2004), *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*, М.: Весь мир.
13. Бибихин, В. В. (2011), *Лес (hyle)*, СПб.: Наука.
14. Тимберген, Н. (1993), *Социальное поведение животных*, М.: Мир.
15. Вивейруш де Кастру, Э. (2017), *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*, М.: АД Маргинем Пресс.
16. Тимофеева, О. В. (2017), *История животных*, М.: Новое литературное обозрение.
17. Кастельс, М. (2016), *Власть коммуникации*, М.: ГУ ВШЭ.
18. Папаяни, Ф. А. (2019), *Имперское будущее России. Противоборство идеологических проектов XIX–XX вв.*, М.: Русская цивилизация.
19. Ростова, Н. Н. (2020), Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой, *Вестник СПбГУ. Сер. Философия и конфликтология*, т. 36, вып. 4, с. 731–750. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.411>.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2020 г.;
рекомендована в печать 10 марта 2021 г.

Контактная информация:

Марков Борис Васильевич — д-р филос. наук, проф.; b.markov@spbu.ru

Man in a network society*

B. V. Markov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Markov B. V. Man in a network society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 2, pp. 194–207. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.201> (In Russian)

Today we are not talking about criticism of the traditional image of man, but about the end of faith in human exceptionalism. The human rights movement is recognized as a form of logocentrism and is shifting towards the protection of the rights of women, children, the disabled, prisoners, migrants and other minorities. Voices are heard in defense of the rights of animals and non-human beings with artificial intelligence (a pair of robots have already obtained citizenship rights); scientists are discussing the possibility of reconstructing human beings based on gene technology. A profound transformation of perceptions about man is taking place in the models of the new network globalization, which replaces the liberal and conservative projects of the unity of mankind. The development of PR technology, which dealt a blow to the ideals of individual freedom and democracy in civil society, has turned man into a controlled being. The order of a global network society is no longer determined by human criteria of good and evil, but by information and financial flows. The digital revolution in work and entertainment, education and culture, as well as economics and politics has led to the creation of many digital counterparts, while man himself, deprived of the protection of the state and society, has found himself in a situation of anomie and total loneliness. Thus, transhumanism is no longer a mental experiment of marginal philosophy, but a post-human stage of civilization development. Discussions about the future of a network society, artificial intelligence and human construction based on gene technologies should not be perceived as intellectual entertainment, which free minds have been exposed to in recent years. They should not be neglected, because the more scenarios of possible development will be created and calculated, the better humanity will respond to the next crisis.

Keywords: man, culture, civilization, network society, individualism, collectivism.

References

1. Schaeffer, J.-M. (2010), *The end of human exclusivity*, rus. ed., transl. by Zenkin, S. N., Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
2. Kozhevnikova, M. (2017), *Hybrids and chimeras of man and animal: from mythology to biotechnology*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
3. Kastells, M. (2004), *The Internet Galaxy*. rus. ed., transl. by Matveev, A., Ekaterinburg: U-Faktoria Publ. (In Russian)
4. Mikhailov, I. F. (2015), *Man, Mind and Networks*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
5. Konev, V. A. (2020), Pedestal Man and podium man, *International Journal of Cultural Studies*, no. 2, pp. 6–17. (In Russian)
6. Veryaskina, V. P. (2021), Human potential in the global world: un development program concept (UNDP), in Belkina, G. L. (ed.), *Chelovek v global'nom mire: riski I perspektivy*, Moscow: KANON+ Publ. (In Russian)

* The research has been carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project “The latest trends in the development of the sciences of man and society in the context of the digitalization process and new social problems and threats: an interdisciplinary approach”, Agreement No. 075-15-2020-798).

7. Korsani, A. (2007), Capitalism, biotechnoscience and neoliberalism. Food for thought about the relationship between capital, knowledge and life in cognitive capitalism, *Logos*, no. 4 (61), pp. 123–144. (In Russian)
8. Stending, G. (2020), *Precariat: a new dangerous class*, rus. ed., transl. by Usova, N., Moscow: AD Marginem Press Publ. (In Russian).
9. Girard, R. (2010), *Violence and sacred*, rus. ed., transl. by Dashevsky, G., Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
10. Zigmund, Bauman (2019), *Retrotopia*, rus. ed., transl. by Silaeva, V.L. and Oberemko, O. A., Moscow: VTsIOM Publ. (In Russian)
11. Sloterdike, P. and Heinrichs, G.-J. (2015), *Sun and Death. Dialogue research*, rus. ed., transl. by Perzev, A., St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. (in Russian)
12. Giddens, E. (2004), *Escaped World: How Globalization Changes Our Lives*, rus. ed., transl. by Jadov, V., Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
13. Bibihin, V.V. (2011), *Forest*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
14. Timbergen, N. (1993), *Social Behaviour in Animals*, rus. ed., transl. by Amchenko, J., Moscow: Mir Publ. (In Russian).
15. Viveiros de Castro, E. (2017), *Cannibal Metaphysics*, rus. ed., transl. by Kralechkin, D., Moscow: Ad Marginem Press Publ. (In Russian)
16. Timofeeva, O. V. (2017), *History of animals*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
17. Castells, M. (2016), *Communication Power*, rus. ed., transl. by Shkaratana, O. I., Moscow: VSE Publ. (In Russian)
18. Papayani, F. A. (2019), *Imperial Future of Russia. Confrontation of ideological projects of the 19th — 20th century*, Moscow: Russkaia tsivilizatsiia Publ. (In Russian)
19. Rostova, N.N. (2020), Aggiornamento of anthropology: Bridging the border between nature and culture, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, ser. Filosofii i konfliktologiiia*, vol. 36, iss. 4, pp. 731–750. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.411>. (In Russian)

Received: October 16, 2020

Accepted: March 10, 2021

Author's information:

Boris V. Markov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; b.markov@spbu.ru